

НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ: АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ЛИТВЫ

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В ЛИТВЕ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИИ

Оживленные политические, экономические и культурные связи восточных славян с Литвой и обусловленная этим миграция населения уходят своими корнями в глубокую древность. Уже в эпоху раннего средневековья заключались русско-литовские династические браки, в Литве оседала часть военнопленных, здесь подолгу жили русские купцы, находили убежище опальные князья и бояре, их родственники и слуги. Однако эти сравнительно малочисленные группы переселенцев не создали прочной русской диаспоры, не оставили после себя устойчивой фольклорной традиции: они либо возвращались в конце концов на родину, либо ассимилировались. Положение изменилось в конце XVII столетия, когда в Литву устремились старообрядцы из северо-западного региона (в основном из Псковского края); обосновались они на северо-востоке Литвы. Их потомки и поныне живут в Зарасайском, Игналинском, Швенчёнском, Рокишкском и других районах Аукштайтии. Позднее староверы, а вслед за ними и православные-ортодоксы из центральных губерний России, Поволжья и Приуралья поселились в ряде глубинных районов Литвы, кое-где они появились уже на исходе XIX в.

Несмотря на то что русская община в Литве формировалась на протяжении трех столетий, пополняясь выходцами из разных областей России, это не привело к пестроте местной фольклорной традиции. Разумеется, у потомков псковичей и новгородцев, туляков и смолян были определенные различия и в репертуаре, и в манере исполнения фольклорных произведений, но многие из них довольно быстро нивелировались — тенденция к унификации оказалась сильнее.

Объясняется это совокупным воздействием нескольких факторов: доминированием псковского «наследия», подчинявшего своему влиянию более слабые проявления других региональных традиций; вторичной миграцией русских переселенцев внутри Литвы; временной эвакуацией большинства русских семей в Поволжье и центральные губернии России в годы первой мировой войны; периодическим притоком соплеменников из метрополии, солдатчиной, отходничеством, поездками по торговым делам и т.п. Географическая удаленность не привела к изоляции русских старожилов Литвы от своей прародины, их фольклорная традиция оказалась открытой для восприятия и реализации общерусских тенденций развития духовной культуры в XIX—XX столетиях. Вместе с тем на систему жанров, на репертуар и даже на стиль местных певцов и рассказчиков определенным отпечаток наложили длительные контакты с соседними народами.

Массовое собирание русского фольклора началось в Литве гораздо позже, нежели в соседних странах Балтии. Вплоть до середины XX в. народная поэзия староверов практически не попадала в поле зрения собирателей. В 1928 г., совершая поездку по восточным районам Литвы, финский ученый В. Мансикка записал от русских старожилов несколько народных заклинаний; отдельные произведения изредка фиксировали литовские краеведы. И лишь в 1960 г., когда в вузовские программы включили фольклорную практику, собирание русского фольклора в Литве приобрело широкий размах. За четверть века студенты-филологи Вильнюсского университета побывали почти во всех городах, местечках и деревнях, заглянули чуть ли не на каждый хутор, хозяева которого считали родным языком русский. Наиболее интересные районы обследовались по два-три раза. Общий итог этой систематической и целенаправленной работы, которой руководила Н.К. Митропольская, — более 60 тысяч записей произведений разных жанров. Народная проза

представлена примерно двумя тысячами текстов (в основном это сказки); зафиксированы тысячи песен и частушек, сотни загадок, произведений детского фольклора. Н.К. Митропольская подготовила к печати самый богатый по материалу раздел книги «Фольклор русского населения Прибалтики» (Москва, 1976), сборник «Русский фольклор в Литве», в который вошло около 600 текстов (Вильнюс, 1975), а также подборки произведений разных жанров, опубликованные в «Ученых записках вузов Литвы».

В педагогических вузах Литвы учебная практика не проводилась. Однако членами фольклорного кружка Вильнюсского педагогического института (ныне — педагогический университет) собрано немало интересных материалов. Самая большая удача — встреча с собирателем-самоучкой, староверкой Елизаветой Ивановной Колесниковой из местечка Салакас Зарасайского р-на. Начиная с 1946 г. эта малограмотная женщина фиксирует все фольклорные произведения, которые припоминает сама, слышит от своих родственников и земляков (прежде всего — пословицы, поговорки и фразеологизмы); причем записывает их на местном говоре¹. Записала она и больше тысячи литовских паремий.

Изучение современного состояния русского фольклора получило новый импульс в 1996 г., когда к проведению ежегодных комплексных экспедиций приступила Ассоциация исследователей старообрядчества Литвы. В ее состав входят профессора, преподаватели и студенты вильнюсских вузов, представляющие ряд смежных научных дисциплин. Основные направления исследований — *история* (руководитель секции Григорий Поташенко), *этнография* (Витис Чюбринкас), *диалектология* (Валерий Чекмонас), *фольклор* (Юрий Новиков), *народная музыкальная культура* (Жанна Лебедева), *народная медицина* (Рамунас Тримакас), *старопечатные и рукописные книги* (Надежда Морозова; в последние годы к работе этой секции активно подключилась польская исследовательница Зоя Ярошевич-Переславцев). Ежегодно в декабре проводятся научно-практические конференции, на которых обсуждаются предварительные итоги экспедиций; в их работе принимают участие представители старообрядческой общины Вильнюса, гости из других городов Литвы.

¹ См. об этом статью Е.Е. Николаенко, Ю.А. Новикова «Старые погудки да на новый лад (заметки о верхнем хронологическом слое русских пословиц Литвы)» в настоящем издании.

Комплексный характер экспедиций, установка на сплошное обследование деревень и хуторов со старообрядческим населением, оперативная научная обработка собранных материалов позволили за короткий срок добиться осязаемых результатов. Историки и этнографы записали от старожилов сотни рассказов об истории религиозных общин, сооружении христианских храмов, о взаимоотношениях староверов с представителями других конфессий, выявили ряд заброшенных кладбищ. Фотограф Алоизас Петрашюнас создал богатейшую портретную галерею наших информаторов, запечатлел на пленке все сохранившиеся старообрядческие храмы, наиболее интересные захоронения, предметы церковного реквизита и повседневного быта; на всех конференциях были развернуты подготовленные им тематические фотовыставки. Музыковеды зафиксировали не только образцы фольклорных напевов, но и церковные песнопения во время праздничных служб, отпевания покойников. Диалектологи и фольклористы стали обладателями ценнейшей фонотеки (более 350 часов непрерывного звучания). Часть собранных материалов уже введена в научный оборот благодаря публикациям в литовских и российских периодических изданиях и научных сборниках, отдельной книгой вышли наиболее содержательные доклады и сообщения, прозвучавшие на конференциях 1996—1997 гг. Для школ с русским языком обучения выпущена хрестоматия «Живое слово. Фольклор русских старожилов Литвы» (Вильнюс, 1999); подавляющее большинство вошедших в нее текстов записано от старообрядцев и опубликовано впервые. В одном из издательств Санкт-Петербурга скоро увидит свет книга «По заветам старины», по которой российские читатели смогут ознакомиться с мифологическими сказаниями (быличками), заговорами, поверьями и бытовой магией старообрядцев Литвы. Завершается подготовка к печати ряда фундаментальных научных изданий, посвященных истории старообрядческих общин в Литве, местным русским говорам, проблемам социолингвистики, словесному и музыкальному фольклору; эти книги будут богато иллюстрированы.

Члены фольклорной секции Вера Дьячкова, Рената Еленските, Юрий Новиков, Мария Романова и другие работали по специальной программе, отказавшись от практиковавшейся ранее методики сплошной записи народно-поэтических произведений. На рубеже второго и третьего тысячелетий

трудно было надеяться на выявление новых тенденций в бытовании «классических» жанров фольклора, больше четверти века остававшихся в центре внимания собирателей. Поэтому основное внимание было уделено тем жанрам, которые в советское время незаслуженно замалчивались официальной наукой, редко записывались, практически не публиковались и не исследовались. Условно их можно разделить на два блока. В первый блок входят христианские легенды, духовные стихи, обычаи, обряды и запреты, связанные с религиозными воззрениями информаторов. Второй блок составляют поверья, обычаи и обряды, отражающие мифологические представления информаторов, а также примыкающие к ним заговоры; былички разных тематических циклов, рассказы о порче и сглазе, о лечении с помощью заговаривания и средств народной медицины. Поскольку в старых записях материалы такого рода представлены крайне скудно, мы не надеялись на обильную «жатву». Но действительность превзошла самые оптимистические ожидания: все эти жанры еще на памяти людей старшего поколения играли важную роль в духовной жизни старообрядцев, а многие из них и сегодня продолжают активно бытовать. Экспедиционные записи последних лет позволили ликвидировать многие «белые пятна» на фольклорной карте Литвы, уточнить сложившееся представление об исторических судьбах русской народной поэзии в старообрядческой среде.

Не зря в народе говорят: «Чего не пощещь, того не същещь», «Копни поглубже, найдешь погуще». Эти пословицы имеют прямое отношение и к собирательской работе. Уже в первых экспедициях чуть ли не в каждом доме под иконами можно было увидеть вербы и крашеные яички. На протяжении тридцати лет собиратели ни разу не заинтересовались, почему их хранят весь год, от Пасхи до Пасхи. Стоило задать этот элементарный вопрос — и перед нами открылся целый комплекс поверий, в которых вербе и «годовому» пасхальному яйцу приписывается особая магическая сила. Один из наших собеседников случайно упомянул «земляных гадов», от укусов которых якобы не могут спасти ни врачи, ни самые искусные знахари. «Копнули глубже», начали расспрашивать о змеях людей с «мифологическим» складом мышления — и словно погрузились в сказочный мир. Услышали десятки рассказов о том, как избежать встречи с «гадами» в лесу или на болоте, о чудодейственных оберегах и секретах заго-

Старинные кресты на старообрядческих кладбищах в Литве. Фото А. Петрашюнаса.

варивания, о сложной иерархии в «змеином царстве», о людях, которые разговаривают со змеями и даже приручают их. На всякий случай, как говорится, для очистки совести задали зарасайской старушке навеянный научной литературой вопрос — не делали ли в старину гробы еще при жизни. И услышали ошеломляющий ответ: «Почему? Все делали его... Не ленитесь — залезьте <на чердак>, посмотрите. Давно сделано, стоят гробы у нас; десять лет каких, если не больше...». Позднее мы убедились, что обычай заранее делать «домовье» действительно широко распространен, а за ним скрывается целый комплекс древних поверий и быличек о загробном мире, о посмертных радостях и мытарствах души человеческой, о контактах покойников с живыми.

Целенаправленные поиски позволили узнать много нового о специфических чертах повседневного быта и духовного мира старообрядцев. За четверть века фольклористы Вильнюсского университета не записали ни одного рассказа о похищении невест, практиковавшемся вплоть до середины XX столетия. В нашем архиве набралось уже более 100 подобных текстов. Особенно широко этот обычай был распространен в северо-восточных районах Литвы, нередко он получал здесь оригинальное обрядовое

Старообрядческий храм (моленная) в д. Рейстанишки Зарасайского р-на. Фото А. Петрашюнаса.

оформление. Девушек «красили» на «кирмашах» (ежегодных сельских ярмарках) во время традиционного катания на тройках. Похитителю обычно помогали его друзья, а братья и другие родственники невесты обязаны были отбивать ее или хотя бы имитировать активное противодействие. Для того чтобы уйти от погони, нередко использовали подставы (запасных лошадей, ожидавших в условленном месте). Девушек похищали только с их согласия, поэтому в глазах членов сельской общины «свадьба вкрадку» («самоходкой», «увозом») выглядела вполне законным и даже достойным делом, священнослужители не препятствовали венчанию в церкви, а родители невесты в конце концов вынуждены были сменить гнев на милость и мириться с дерзким зятем.

До недавних пор фольклористы и этнографы, как правило, не отмечали конфессиональную принадлежность исполнителей. Последующие экспедиции в те же селения показали, что подавляющее их большинство — старообрядцы. Поэтому зафиксированную у русских старожилов Литвы фольклорную традицию правомерно рассматривать как конфессиональный вариант общерусской традиции, чем во многом определяются ее специфика, исторические судьбы

некоторых жанров. Устойчиво державшиеся среди староверов религиозно-бытовые запреты и ограничения ускорили отмирание календарной обрядовой поэзии, привели к заметному обеднению свадебного обряда. Но с другой стороны, они способствовали сохранению христианских легенд и связанных с ними мифологических сказаний, духовных стихов и древнейших баллад, часть которых тоже считается «божественными», «полгрешными», «постовыми песнями». В ряде общин духовные стихи (в частности, «Умоляла мать родная...») включены в церковный обряд. Процесс диффузии жанров прослеживается и в других областях народной поэзии. Некоторые молитвы выполняют функции универсальных заговоров и оберегов или исполняются после озвучивания традиционных народных заклинаний, словно «закрепляя» и умножая их магическую силу. Христианские легенды нередко приобретают черты этнологических сказаний, ветхозаветные сюжеты прикрепляются к евангельским временам. В свадебный обряд включаются бытовые лирические песни любовной тематики, а сказочные формулы, фрагменты песен, частушек и заговоров порой превращаются в пословицы. Высокий уровень грамотности привел к широкому распространению среди староверов рукописей с текстами духовных стихов, легенд, жизнеописаний святых, заговоров, лирических песен. В пословицах, поговорках, присловьях, преданиях, мифологических сказаниях легендарного характера обнаруживается немало примет старообрядческого быта, есть они в песнях и частушках.

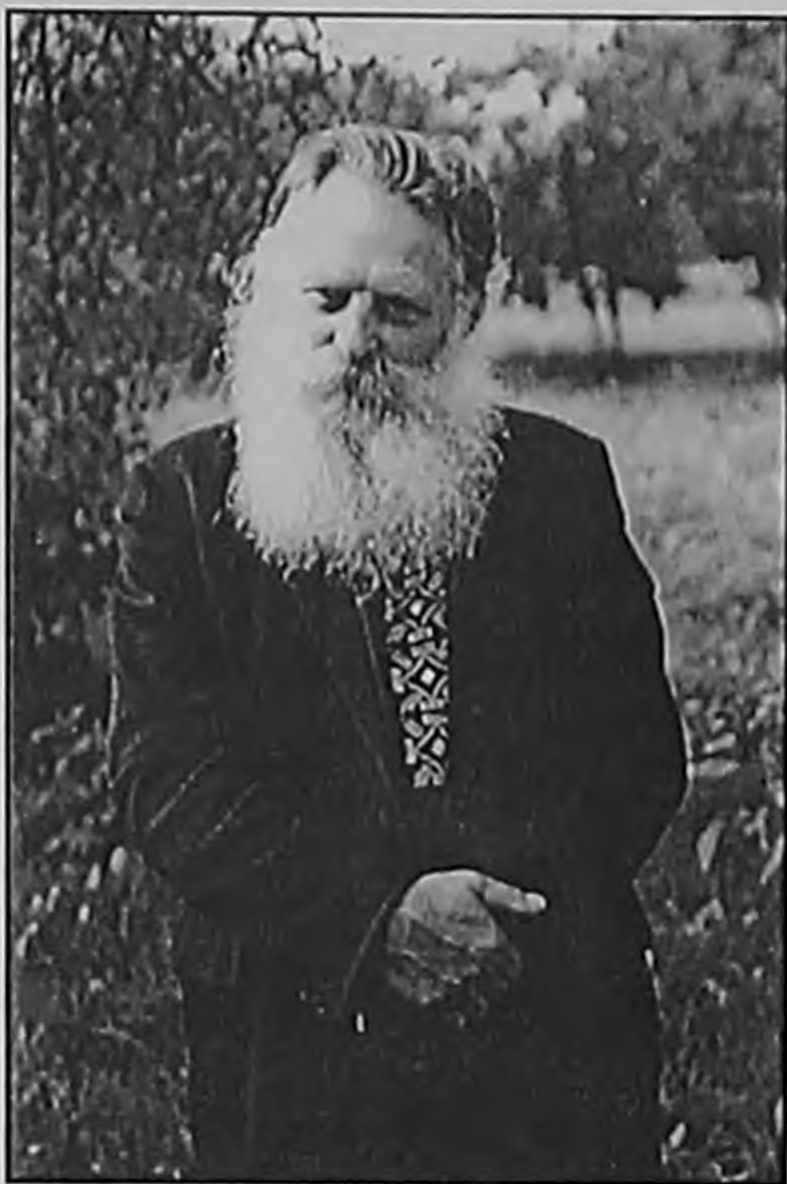
Взятые изолированно записи от одного человека или из одной деревни нередко кажутся разрозненными, отрывочными, в чем-то нелогичными — словно руины некогда стройного и величественного здания. Но это впечатление обманчиво. Чем больше накапливается материалов, тем более отчетливо просматриваются внутренние закономерности, духовная культура старообрядцев обретает комплексность и системность; сохранившиеся до наших дней обряды, верования, магические действия оказываются тесно спаянными друг с другом. Разумеется, некоторые древние мотивировки забываются, но им на смену приходят вторичные объяснения; система воззрений эволюционирует, сохраняя при этом основные сущностные характеристики. Роль «несущих конструкций», обеспечивающих долговечность и относительную стабильность традиционной культуры, играют старая вера, обычаи дедов и прадедов, старая книга.

Длительное общение со старообрядцами заставило нас усомниться в справедливости широко бытующего мнения об их замкнутости, «колючей» настороженности и религиозной нетерпимости. Переселившись в Литву, они сумели адаптироваться к изменившимся условиям, интегрироваться в новый социум. Во все времена их ценили за исключительное трудолюбие, законопослушность, бытовую и нравственную опрятность. «Закрытость» староверческих общин проявлялась в основном в тех сферах, которые прямо или косвенно связаны с религиозными воззрениями, старинными русскими обрядами и обычаями. До недавних пор у староверов полагалось занавешивать иконы, если в дом заходили незнакомые люди или просто любители курева и спиртного. Вплоть до середины XX столетия большой редкостью были межконфессиональные браки; мужа или жену, исповедовавших католичество или ортодоксальное православие, не разрешали хоронить на старообрядческих кладбищах. Одна из женщин уверяла собирателей, что именно за отступление от древних обычаев кто-то из односельчан «напустил» на нее тяжелую болезнь: «Я вышедцы за литовцем, зато мне и наделали...». Однако истовая приверженность к древлеправославию, неприязнь к вероотступникам (их презрительно называют «перекулами», «белохвостиками», «обливанцами») не мешает многим из наших информаторов уважать религиозные взгляды других людей. «Веру никакую не заклиняйте, ни церквы, — получала собирателей 95-летняя Анна Малофеевна Иванова. — Какой есть закон — вси Богу молятся. Один Господь на свете, одно солнце нас прогревает, земля нас одна окармливает...». Показательно, что в заговорной практике допускается использование любых христианских молитв — и православных, и католических; читать их можно и на русском, и на литовском, и на польском языке. Претерпев жестокие гонения за веру своих предков, вынужденные покинуть родину и искать приюта на чужбине, старообрядцы в массе своей отнюдь не стали религиозными фанатиками. Скитаясь по белу свету, они добивались лишь одного — чтобы власти не посягали на их духовную свободу, не мешали им жить по старому «чину», по заветам отцов и дедов. И в этом праве они не отказывают представителям других конфессий. «Вер много, а Бог один», «Хто в каком законе родился, тот в таком законе и Бога призывает», — под такими высказываниями подпишутся самые ревностные защитники свободы совести.

Красный угол (домашний иконостас) в горнице Татьяны Титовны Филимоновой (1912 г.р.), д. Юргелишки Швенченского р-на. Фото А. Петрашюнаса, 1998 г.

Старообрядцы удивили нас неподдельным добросердечием и душевностью: они щедро делились своими знаниями, многие из них ради записи фольклорных текстов откладывали срочные дела по хозяйству, забывали о своих болезнях, активно «агитировали» односельчан подключиться к нашей работе. Особенно много текстов, разнообразных в жанровом и стилистическом отношении, зафиксировано в Зарасайском и Йонавском р-нах. Незабываемое впечатление произвела на участников экспедиции Анфиса Афанасьевна Павлова, поразившая энциклопедичностью своих познаний в области народной культуры, житейской мудростью, точностью и чеканностью художественного слова. Интересные, порой уникальные тексты записаны и от других жителей Зарасайского р-на — Марьи Мионовны Колесниковой (Зарасай), Зинаиды Макарьевны Балапкиной (Капустине), упоминавшейся выше Елизаветы Ивановны Колесниковой и ее землячки Степаниды Васильевны Чувькиной (Салакас), Веры Нефодьевны Горшановой (Яктишкес), Христины Климовны Портновой (Дегучай), Евдокии Савельевны Мельковой (Авиженес), Анны Семеновны Зуевой (Рустейкяй).

Евсегий Иосифович Никитин (1933 г.р.), наставник Сталёнишкской старообрядческой общины. Утенский р-н Литвы. Фото А. Петрашюнаса, 1997 г.

Настоящим «заповедником» традиционной народной культуры можно назвать с. Ужусаляй Йонавского р-на, куда в связи с мелиоративными работами переселили староверов из большинства окрестных деревень. Здесь мы встретили Агриппину Гавриловну Суетене², Анну Малофеевну Иванову, Тарасия Савельевича Родионова, обладающих обширными познаниями в области бытовой магии и заговорного искусства. Их соседка Евдокия Варфоломеевна Кузьмина — прекрасный исполнитель духовных стихов и старинных баллад.

Плодотворным оказалось знакомство с Гликерией Емельяновной Коваленкиной (д. Летишкес Каунасского р-на) и Дием Петровичем Сиволовым (д. Думсяй Йонавского р-на). Их отличает высокое исполнительское мастерство, богатство и разнообразие репертуара. От Коваленкиной записаны старинные лирические песни, баллады, духовные стихи, частушки, описания народных игр, много поверий и примет, сведений по народной медицине. Сиволов тоже помнит немало песен, особенно солдатских,

знает он и духовные стихи, заговоры, поверья; живо, с юмором рассказывает народные анекдоты. Но главное место в репертуаре обоих исполнителей занимают легенды и мифологические сказания. От каждого из них записаны по 40—50 сюжетов, тексты насыщены яркими бытовыми подробностями, оригинальными поэтическими образами, безупречны по композиции, сочны и выразительны по языку. Г.Е. Коваленкина и Д.П. Сиволов рассказывают былички сериями, по три-четыре произведения на одну тему (заклятые клады, вещие сны, привидения, встречи с «ходячими покойниками» и т.д.). Работа с ними заставила нас усомниться в справедливости устоявшегося мнения о нестабильности текстов преданий, мифологических сказаний, произведений других жанров несказочной прозы. Это справедливо в отношении рассказчиков-«любителей», быть может, впервые в жизни исполняющих то или иное произведение. Д.П. Сиволов, Г.Е. Коваленкина, А.А. Павлова, Х.К. Портнова — настоящие мастера-виртуозы; их варианты в процессе многократного повторения приобрели относительную устойчивость и изменяются лишь на уровне естественной «вибрации текста». Функции внутренних скреп, придающих сказаниям, легендам и преданиям структурную устойчивость, выполняют опорные, ключевые формулы и отдельные слова (иногда — эмоционально окрашенные звукоподражательные местоимения).

В других районах Литвы старообрядческих деревень не так много, но и там нашлись прекрасные знатоки старинного быта и фольклора. В Игналинском р-не это Мария Федоровна Рябченко и Михаил Анисимович Прусаков (Душктас), Николай Лаврельевич Иванов (Мейкштай); в Швенчёнском — Анна Аникеевна Гаврилова (Валучай), Агриппина Яковлевна Голубева и Фома Семенович Авденков (Юргелишкес); в Аникшчайском — сестры Анна Анисьевна Колейникова и Зинаида Анисьевна Прусакова (Вешинтелис); в Каунасском — Марфа Изотовна Ярова (Ванджэгала); в Кельмеском — Марья Никитьевна и Петр Иванович Митревы (Покупеляй). Благодаря памяти и творческой одаренности этих людей, традиционному складу их мышления и сохранилось до наших дней бесценное духовное наследие предков.

Материал подготовил
Ю.А. НОВИКОВ,

представитель научного альманаха
 «Традиционная культура» в странах Балтии.

²См. о ней очерк М.В. Романовой «Колдуха» в настоящем издании.